

5/89

Встреча

КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ
РАБОТА

ISSN 0130-2833

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

...Нынче вырвалась, будто из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
— Друг оставь покурить! — а в ответ тишина.
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло для обоих.
Всё теперь одному, только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.

В. Высоцкий

ОН СЕГОДНЯ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Литературно-публицистическая композиция
о жизни и творчестве Владимира ВЫСОЦКОГО

Несколько слов вместо введения. Жанр этого материала мы обозначили как литературно-публицистическую композицию. Быть может, это и не совсем точно, но строгий читатель нас правильно поймет. В рассказе об этом выдающемся человеке мы не пошли по традиционному пути изложения многочисленных фактов биографии, не обращаемся к истории создания произведений поэта, не анализируем актерское мастерство, проявленное на театральной сцене и в кино.

Прежде всего нас интересует Владимир Высоцкий как личность, становление его характера, а в поэтическом творчестве — военная тема.

Самым простым было бы сказать, что мы предлагаем сценарий для клубного вечера, посвященного В. С. Высоцкому. Это не так, хотя нам и хотелось помочь культпросветчику в его работе и, надеемся, что он сможет использовать этот материал.

Не раз в редакцию приходили читательские письма с просьбой рассказать о Высоцком. И, конечно, вполне логичной была бы публикация, скажем, к 50-летию артиста, которое отмечалось в январе прошлого года. Но, во-первых, не хотелось уподобляться всем, кто работает по принципу «лишь бы отметить», лишь бы что-то напечатать» [такого не одобрил бы и сам Высоцкий, весьма критически, кстати, относившийся к журналистской профессии], а во-вторых, еще год назад не было возможности использовать столь широкий и разнообразный материал, который сегодня стал достоянием гласности. Мы имеем в виду большое количество опубликованных стихов Высоцкого, воспоминаний о нем, критических и публицистических работ, посвященных его творчеству.

И снова о жанре.

Конечно, по форме это композиция, составлена она из отрывков опубликованных материалов. Но важнее,

если нам удалось другое, — если читатель в итоге скажет: «Это размышления современника, современника самого Высоцкого, моего современника; тут много спорного, эмоционального, даже противоречивого...»

Мы намеренно не даем никаких рекомендаций, как именно работать с этой композицией. Читатель сам определит, следует ли ставить ее на клубной сцене, а если «да», то как именно это осуществить, исходя из имеющихся возможностей. Во всяком случае мы рассчитываем на его самостоятельность в суждениях и на то, что он владеет дополнительным материалом.

Но прежде всего на то, что он любит творчество Владимира Высоцкого. Если же он недостаточно хорошо с ним знаком, то хотелось бы надеяться, что «штрихи к портрету» помогли просто познакомиться с необыкновенным, очень талантливым, душевно щедрым человеком, который в своем диалоге со временем и с современником больше всего ценил откровенность.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Автобиография ✓

Родился в 1938 г. 25 января в Москве, в семье служащих. Когда началась война, мой отец — Высоцкий Семен Владимирович, окончивший к этому времени техникум связи, уехал на фронт, а я и моя мать остались в Москве. В 1943 г. я и моя мать — Высоцкая Нина Максимовна эвакуировались в г. Бузулук. В 1945 г. мы возвратились в Москву, и я поступил учиться в 273-ю школу Щербакского района в первый класс. В 1947 г. отец, находившийся на военной службе, был направлен в ГДР в г. Эберсвальд. Я также поехал с ним. Возвратился в 1949 г. и поступил в пятый класс 186-й школы и в 1955 г. окончил

10 кл. В апреле 1952 г. был принят в ряды ВЛКСМ. За время пребывания в комсомоле был членом комсомольского бюро. В 10 кл. — редактором стенгазеты...

Для тех, кому дорого творчество Владимира Высоцкого, за последнее время редакции газет и журналов сделали немало: я имею в виду публикации подборок его стихов, воспоминаний друзей и родных, литературоведческих статей... Спасибо радио и телевидению, подготовившим интересные передачи. Не остались в стороне издательства и даже... кооперативы. Первые выпустили целый ряд книг, вторые — большие настенные календари с изображением любимого артиста. И хотя цены на эту продукцию непривычно высоки, тем не менее голод в значительной мере утолен, тем более, что фирма «Мелодия» выпускает серию пластинок — «На концертах Владимира Высоцкого». Важно, что и ученые всерьез занялись его творчеством.

Обращаю внимание на книгу «Четыре четверти пути», вышедшую в издательстве «Физкультура и спорт», с любовью оформленную, серьезно и умно подготовленную и составленную.

Книга, включившая в себя воспоминания, стихи и песни, снабжена обширными примечаниями готовивших ее. Надо сказать им спасибо и за то, что они провели огромную, как представляется, работу, подготовив к печати тексты выступлений самого Высоцкого на концертах перед слушателями.

Назову и другие недавно вышедшие книги. Это «Живая жизнь. Штрихи к биографии Владимира Высоцкого» («Московский рабочий»). Здесь стенограммы выступлений, интервью актера и поэта, воспоминания его родных, друзей и коллег. Это «Владимир Высоцкий. Стихи и песни» («Музыка»), а также «Поет Владимир Высоцкий» — песни для голоса в сопровождении гитары («Музыка»). Отметим и то, что «Молодежная эстрада» в прошлом году публикацию о Высоцком снабдила обширной библиографией. «Советский экран», «Театр», «Нева»... Трудно найти журнал или газету, не обращавшиеся к этому имени.

А главное, — теперь у нас у всех есть возможность опираться на высказывания самого Владимира Высоцкого.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Маленький уголок от детства

— У меня в семье не было никого из актеров и режиссеров, короче говоря, никого из людей искусства. Но мама моя очень любила театр и с самых-самых малых лет каждую субботу — лет до тринадцати-четырнадцати — водила меня в театр. И это, наверное, осталось. Видно, в душе каждого человека остается маленький уголок от детства, который открывается навстречу искусству.

Родители хотели, чтобы я стал нормальным советским инженером, и я поступил в Московский строительный институт имени Куйбышева на механический факультет, но потом почувствовал, что мне это... словом, невмолгу, и однажды залил тушью чертеж, в шестой раз переделанный, и сказал своему другу, что с завтрашнего дня в институт больше не хожу.

„Мой остров“

Приведем выдержки из анкеты, заполненной им 28 июня 1970 года. Она была предложена Высоцкому при работе над спектаклем театра «Современник» «Мой остров».

Самый любимый писатель — Булгаков.

Самый любимый поэт — Ахмадулина.

Самый любимый актер — Яншин.

Самая любимая актриса — Славина.

Самый любимый театр — Театр на Таганке.

Самый любимый спектакль — «Живой».

Самый любимый режиссер — Ю. Любимов.

Самый любимый фильм — «Огни большого города».

Самый любимый кинорежиссер — Ч. Чаплин.

Самая любимая скульптура — «Мыслитель» Родена.

Самая любимая картина — «Лунный свет» Куинджи.

Самый любимый композитор — Шопен.

Самое любимое музыкальное произведение — 12-й этюд Шопена.

Самая любимая песня — «Вставай, страна огромная».

Самое любимое выражение — «Разберемся».

От студии МХАТ до театра на Таганке

— А в это время я уже несколько лет занимался в самодеятельности, но это была не такая самодеятельность, к которой мы уже привыкли — она сразу оскоми-ну вызывает, и по ней прошлись у нас в фильмах и в прессе... просто люди кроме своей работы занимались еще другим делом, любимым более, чем работа. Это было хобби, которое тогда еще не оплачивалось.

Руководителем там был Богомолов, артист Художественного театра. Он на нас пробовал многие спектакли и работал с нами режиссерски, как с профессионалами. И я начал у него набирать — очень сильно, по его словам. Конечно, это меня увлекало больше, чем студенчество, и я просто ушел из института и стал поступать в студию МХАТ. Поступил туда с большим трудом — считалось, что мой голос не приспособлен для сцены. Меня даже пытались отчислить из студии за профнепригодность из-за голоса, но руководитель курса Павел Владимирович Масальский не позволил.

Закончил студию в числе нескольких лучших учеников, стал выбирать себе театр. Тут у меня была масса неудач, но мне не хочется сейчас об этом говорить. Меня приглашали туда-сюда, а я выбрал Московский театр им. Пушкина — худший вариант, как оказалось, из всего, что мне предлагали.

...Я оттуда ушел, начал бродить по разным театрам: работал два месяца в театре миниатюр — меня оттуда прогнали, поступал в «Современник», мне даже дали там дебют — я играл Глухаря в «Двух цветах», но чего-то там не случилось. Снимался в кино в маленьких ролях, снова вернулся в Театр им. Пушкина, а потом, когда организовался Театр на Таганке, я стал в нем работать, порекомендовал меня туда Слава Любшин.

«А впервые я увидел Высоцкого в фойе Театра на Таганке в прологе спектакля «10 дней, которые потрясли мир». Он был в тельняшке, в матросских клешах, с гитарой в руках. Мне было девятнадцать, и как для тысяч сверстников, он давно стал для меня кумиром. Вместе с Окуджавой, Визбором, Галичем, Клячкиным, «Битлз» я записывал на магнитофон его бунтарские, будоражащие душу песни. А в тот день мы стояли совсем рядом, и он вместе с другими актерами пел: «Как родная меня мать провожала!»... Пел залихватски, отчаянно. А потом я услышал: «Айда за нами, братва!» И все двинулись в зрительный зал. Незабываемые минуты».

Это цитата из воспоминаний молодого кинодокументалиста. Но я мог бы воспроизвести ее и без кавычек, ибо мое знакомство с ним состоялось точно также. Только вот в мой день «Таганка» давала этот спектакль в помещении Театра им. Моссовета. Билеты, естественно, достать было непросто, но для студентов, увлеченных театром, не было ничего невозможного. Это было удивительное представление молодого коллектива. Напомню, что основу Театра на Таганке тогда

уже составлял недавний актерский курс Щукинского училища со своим педагогом Юрием Любимовым, пришедшим в ничем не примечательный коллектив и сразу же заставивший о себе говорить. Первым был перенесенный на сцену театра выпускной спектакль «Добрый человек из Сезуана» Б. Брехта. Этот спектакль привлек внимание и Высоцкого — прежде всего большим количеством самостоятельно звучащих зонгов, приметой брехтовского театра.

Это было время первой волны демократизации, переосмысления всего пути, пройденного страной. Время нового обращения к истокам — к революционной действительности Великого Октября.

Финал спектакля «10 дней...» — неожиданно с верхнего балкона в зал летят россыпи белого дождя листовок. Несколько ошеломленные зрители нетерпеливо ловят их. Это первое воззвание нового революционно-правительства к гражданам России.

Сколь запоминающимся было начало, когда спектакль разворачивался сразу у дверей театра, где ваши билеты проверяли революционные солдаты, заполнившие вместе с зрителями фойе, столь же ярким и запоминающимся был финал.

И, конечно, этот призыв Высоцкого: «Айда за нами, братва!..»

Владимир ВЫСОЦКИЙ Помог Любимов

— Меня взяли на Таганку. Правда, несколько моих песен еще до этого звучало в некоторых спектаклях старого таганского Театра драмы и комедии. И Юрий Петрович Любимов, наш главный режиссер, отнесся с уважением к этим песням и предложил мне работать во многих спектаклях как автору текстов и музыки. Я думаю, он предложил мне работать из-за того, что эти мои песни не были ни на кого похожи. Он очень сильно меня в этом поддерживал, всегда приглашал по вечерам к себе, когда у него бывали близкие друзья — писатели, поэты, художники, — и хотел, чтобы я им пел, пел, пел...

Я не знаю, но думаю, что именно из-за этого продолжал писать: мне было как-то неудобно, что я все время пою одно и то же. Тем более, что я стеснялся петь свои дворовые песни в этих компаниях, а их у меня тогда было больше, чем не дворовых... И видимо, больше всего на меня подействовало, что люди, работавшие рядом со мной, не оказались безразличными к этому делу.

Разные люди бывали в Театре на Таганке, и они всерьез отнеслись к моим стихам. Кроме Любимова их заметили члены худсовета нашего театра.

Рояль, аккордеон, гитара

— Никогда не работал я с внутренним редактором, который сидит в каждом из нас и говорит: «А это я лучше не буду». По молодости лет я писал тогда дворовые песни. Была какая-то тоска по нормальной человеческой интонации — у меня так навязла в ушах эта липкая интонация песен, которые исполняли со сцены под оркестр. Такое, может, было в то время междувластие, и никто ничего не понимал: что будет, куда песня пойдет?

...Гитара у меня появилась не сразу. Сначала я играл на рояле, потом — на аккордеоне. Я тогда еще не слышал, что можно петь стихи под гитару, и просто стучал ритм песни по гитаре и пел свои и чужие стихи на ритмы...

Вообще я песни пишу, сколько себя помню. Но раньше я писал пародии на чужие мелодии, всякие куплеты. В театральном училище я писал громадные «капустники»,

на полтора-два часа. Например, на втором курсе у меня был «капустник» из одиннадцати или двенадцати пародий на все виды искусств. Мы делали свои тексты и на студийные темы, и на темы дня, то есть я давно писал: комедийные вещи и всегда с серьезной подоплекой. А потом я не стал этого делать, потому что вскоре после окончания студии Художественного театра — молодым еще человеком услышал пение Окуджавы.

Не считаю первые песни „блатными“

— Первые мои песни — это дань времени. Это были так называемые «дворовые», городские песни, еще их почему-то называют блатными. Это такая дань городскому романсу, который к тому времени был забыт. Эти песни были бесхитростные, была, вероятно, в то время потребность в простом общении с людьми, в нормальном, не упрощенном разговоре со слушателями. На них обязательно были следы торопливости, это мои мысли, которые я привозил из поездки, а рифмовал их для простоты, чтобы не забыть. В каждой из первых песен была одна, как говорится, но пламенная страсть: в них было извечное стремление человека к свободе, к любимой женщине, к друзьям, к близким людям, была надежда на то, что его будут ждать...

Я не считаю, что мои первые песни были блатными, хотя там я много писал о тюрьмах и заключенных. Мы, дети военных лет, выросли все во дворах в основном. И, конечно, эта тема мимо нас пройти не могла: просто для меня в тот период это был, вероятно, наиболее понятный вид страдания — человек, лишенный свободы, своих близких и друзей...

Эти песни принесли мне большую пользу в смысле поиска формы, поиска простого языка в песенном изложении, в поисках удачного слова, строчки. Но поскольку я писал их все-таки как пародии на блатные темы, то до сих пор это дело расхлебываю.

Мой остров

(Выдержки из анкеты)

Самая замечательная историческая личность — Ленин, Гарибальди.

Исторические личности, внушающие отвращение — Гитлер, Мао.

Самый выдающийся человек современности — Таких не знаю.

Самый дорогой для тебя человек — Сейчас не знаю. Человек, которого ненавидишь — Их мало, но все-таки список значительный.

К каким странам относитесь с симпатией? — Россия, Польша, Франция.

Что сделал бы, если бы был главой Советского Союза? — Отменил бы цензуру.

Что хотел бы подарить любимому человеку, если бы был всемогущ? — Вторую жизнь.

Какое событие стало бы самым радостным? — Постановка «Гамлета».

Какое событие было бы самым трагическим? — Потеря голоса.

Идеал мужчины — Марлон Брандо.

Идеал женщины — Секрет.

Как вредят подделки

— Я слышал много подделок под мои песни. Сейчас их делать стало труднее, потому что появилась хорошая аппаратура, и сразу можно отличить мой голос от того, что

подделано. А раньше подделок было очень много, и слушатели считали, что если кто-то хрипит, — это Высоцкий. Хочу сказать, что если вам когда-нибудь попадутся записи, где, во-первых, неприличные слова, во-вторых, такая дешевая жизненная проза, то сразу можете считать, что это песни не мои...

Однажды, в Одессе, на «толчке», я видел человека, который стоял за громадными столами пленок — его из-за них почти не было видно — и торговал «моими» песнями. Так в этой пленке из тридцати пяти песен было примерно пять вещей, которые пел я, а остальные тридцать пел какой-то другой человек, которого звать Жорж Окуджава. Он, значит, взял себе фамилию Булата и поет, стержец, моим голосом, при этом старается петь и мои, и Булатовские песни. Поет настолько похоже, что поразительно.

Эти песни мне очень вредят, меня часто по этому поводу вызывают, разговаривают со мной, дескать, как вам не стыдно, что вы делаете. А несколько лет назад был специальный приказ по управлению культуры, мне запретили год выступать, и в приказе было названо несколько песен, которые мне вообще не принадлежат. Главное, что я хочу делать в своих песнях, — я хотел бы, чтобы в них ощущалось наше время. Время нервное, бешеное, его ритм, темп. Я не знаю, как это у меня получается, но я пишу о нашем времени, чтобы получалось вот такая общая картина: в этом времени есть много юмора, и много смешного, и много недостатков, о которых тоже стоит писать.

Игорь Дьяков, журналист

Он не мыслил себя без России

В Нью-Йорке выходит двухтомник с комментариями, которые могли бы показаться смехотворными, если б в них не было столько злобы к Советскому Союзу — стране, где родился и всю свою жизнь прожил Высоцкий. Затем в «Литературном зарубежье» издается однотомник стихов и песен Высоцкого. Там уже комментарии «помягче»: «Да, его не преследовали, не сажали за решетку, но за ним всегда и всюду следили». Период, когда Высоцкий начал писать свои, пожалуй, лучшие песни — глубокие, философские, в которых являлись и мысли о смерти, и мысли о месте человека и поэта на земле, — этот период представлялся как результат «постоянного давления на поэта» и трактовался как следствие «ощущения неизбежной расплаты за сказанную правду».

С таким же успехом любое страдание, неизбежное при той глубине творческого подхода к жизни, которая была присуща Высоцкому, можно трактовать как «подавление извне». Кто из настоящих художников может быть безоблачно счастлив?

Он был в числе первых выразителей нетерпимости к мусору в нашем доме.

Как ни парадоксально, но «толкователей», так сказать, «внешних» с толкователями «внутренними» сводило одно: и те, и другие считали, что называние недостатков равносильно отсутствию патриотизма.

Глупо пытаться делать из него «пай-мальчика», как пытаются это делать сегодня авторы иных статей о нем. Имя его требует защиты. И от нынешних зарубежных антисоветчиков, и от нынешних наших «елейщиков».

Теперь я к основному перейду —

Один, стоявший скромно в уголочке,

Спросил: «А что имели вы в виду

В такой-то песне и в такой-то строчке?»

Ответ: «Во мне Эзоп не воскресал,

В кармане фиги нет — не суетитесь, —

А что имел в виду, — то написал, —

Вот — вывернул карманы — убедитесь!»

Роберт Рождественский

Проба на излом?

Когда некоторые «весьма специфические» зарубежные доброхоты пробовали его «на излом», то Высоцкий, оставаясь самим собой, разговаривал с ними жестко и однозначно. Родину свою в обиду он не давал никому.

Помню, как в октябре 1977 года группа советских поэтов приехала в Париж для участия в большом вечере поэзии. Компания подобралась достаточно солидная... Был в нашей группе и Владимир Высоцкий.

Устроители вечера явно сэкономили на рекламе. Точнее, она отсутствовала напрочь! И, конечно же, нам говорили: «Стихи?! В Париже?! Абсурд!.. Вот увидите — никто не придет!..»

Мы увидели. Пришли две с половиной тысячи человек. Высоцкий выступал последним. Но это его выступление нельзя было назвать точкой в конце долгого и явно удавшегося вечера. Потому что это была никакая не точка, а яростный и мощный восклицательный знак!..

В 1970 году он пишет песню о сплетнях — «Нет меня — я покинул Расею»... Посмотрите, сколько язвительности, сколько ярости в этих строках:

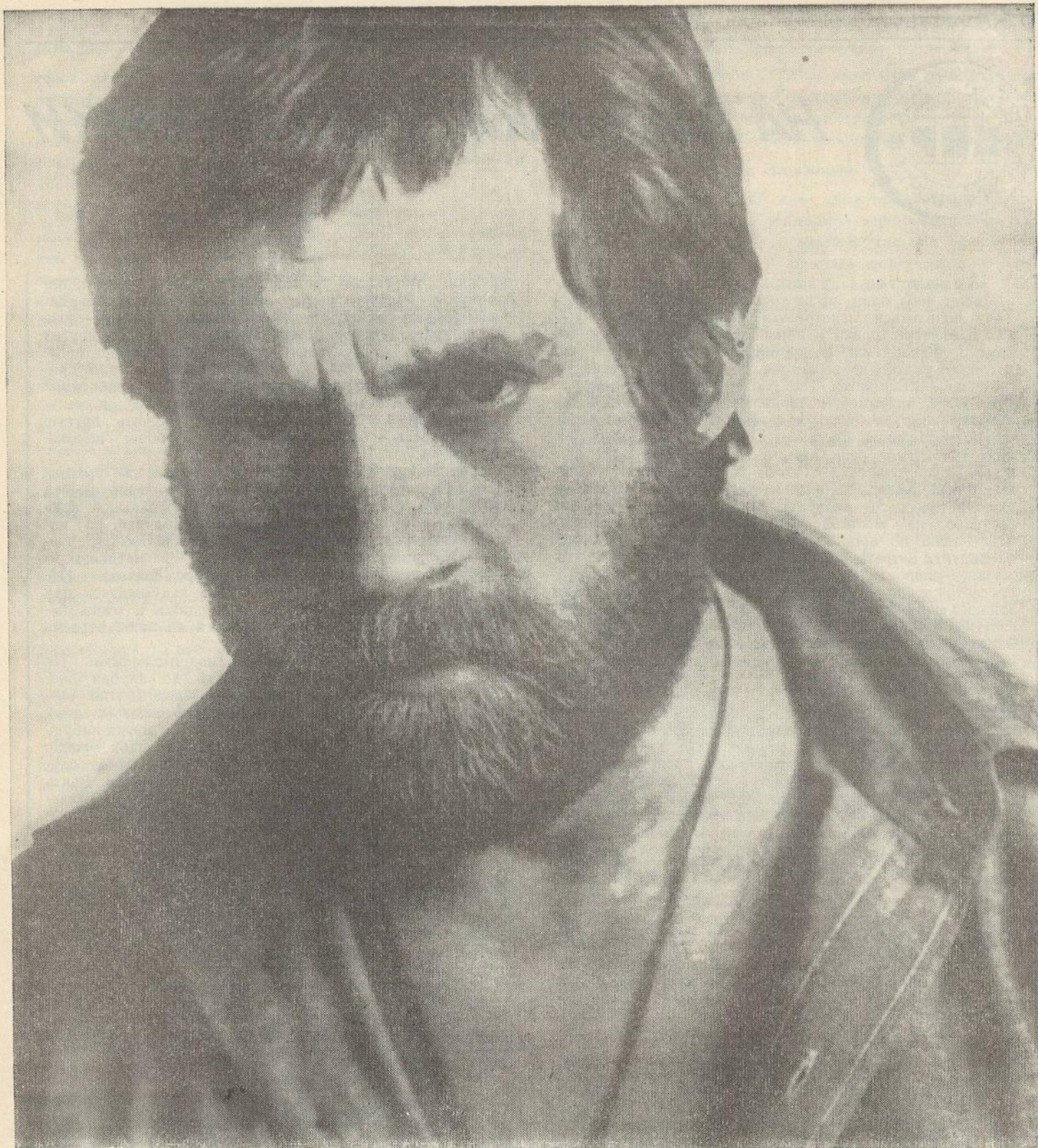
Кто-то вякнул в трамвае на Пресне:
«Нет его — умотал наконец!
Вот и пусть свои чуждые песни
Пишет там про Версальский дворец.
Слышу сзади — обмен новостями:
«Да не тот! Тот уехал — спроси!..» —
«Ах, не тот?!» — и толкают локтями,
И сидят на коленях в такси.
А с которым сидел в Магадане,
Мой дружок по гражданской войне —
Говорит, что пишу ему, «Ваня!
Скучно, Ваня, — давай, брат, ко мне!»
Я уже попросился обратно —
Унижался, юлил, умолял...
Ерунда! Не вернусь, вероятно, —
Потому что я не уезжал!
Кто поверил — тому по подарку, —
Чтоб хороший конец, как в кино:
Забирай Триумфальную арку,
Налетай на заводы Рено.
Я смеюсь, умираю от смеха:
Как поверили этому бреду?! —
Не волнуйтесь — я не уехал,
И не надейтесь — я не уеду!

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Слухи, сплетни, разговоры...

— Все мы в какой-то период нашей жизни страдаем от слухов. Я до сих пор отмахиваюсь руками и ногами от всевозможных сплетен, которые вокруг меня распространяются, как облака пыли, и постоянно нахожусь под огнем всех этих разговоров. Несколько раз я уже похоронен, несколько раз «уехал», несколько раз отсидел, причем такие сроки, что еще сто лет надо прожить. Какие-то страшные казни мне придумывали. Мне говорят: «Но ведь бывают и хорошие слухи!» Я думаю: «Нет. Если хорошие — это сведения, сообщения или сюрпризы. Слу-

(Продолжение на стр. 24)

(Продолжение. Начало см. на стр. 2)

хи и сплетни бывают только плохие, только чтобы гадость сказать».

...Многие сплетни и разговоры кончились, когда я попал работать в Театр на Таганке, но иногда я такого про себя наслушаюсь, что уши вянут. Одна девочка из Новосибирска меня спросила: «Правда, что вы умерли?» Я говорю: «Не знаю»,

Однажды, я был на концерте, где мне принесли воды, а потом кто-то взял и сообщил в определенные инстанции, что я пил водку на сцене. Это часто бывает: всегда находятся люди в зале, которые приходят с какими-то странными целями, провокационными или еще какими-то, — в семье не без урода.

Можно представить, какую огромную почту получал популярнейший артист и автор. Но, как и многие другие популярные люди страны, попросту не успевал отвечать своим корреспондентам. Впрочем, он ответил всем, заодно рассказав о характере писем. В 1973 году появилась песня «Я к вам пишу».

Стоит, думается, ее процитировать:

...Найдя стократно вытертые ленты,
Вы хрип мой разбирали по слогам,
Так дай же бог, мои корреспонденты,
И сил в руках, да и удачи вам.
...Вот спрашивают: «Попадал ли в плен ты?»
Нет не бывал — не воевал ни дня!
Спасибо вам, мои корреспонденты,
Что вы неверно поняли меня.
Друзья мои, жаль, что не боевые, —
От моря, от станка и от сохи,
Спасибо вам за присланные — злые
И даже неудачные стихи.
Вот я читаю: «Вышел ты из моды.
Сгинь, сатана, изыди хриплый бес.
Как глупо, что не месяцы, а годы
Тебя превозносили до небес!»
...За письма высочайшего пошиба:
Идите, мол, на Темзу и на Нил, —
Спасибо, люди добрые, спасибо, —
Что не жалели ночи и чернил.
Но только я уже бывал на Темзе,
Собакою на Сене восседал.
Я не грублю, но отвечаю тем же —
А писем до конца не дочитал.
И ваши похвалы и комплименты,
Авансы мне — не отфутболю я:
От ваших строк, мои корреспонденты,
Прямее путь и сохнет колея.
Сержанты, моряки, интеллигенты, —
Простите, что не каждому ответ:
Я вам пишу, мои корреспонденты,
Ночами песни — вот уж десять лет.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Что написано за границей

— Что я написал в последнее время за границей из песен и стихов? Пожалуй, ничего. И не из-за того, что мне приходилось там много ходить и болтаться. У меня было достаточно свободного времени, чтобы работать, — мне там не писало. Наверное, просто нужно было, чтобы что-то отложилось. А самое главное — даже не поэтому. Я ничего не написал про Париж, например, — и особенно не хотелось. Я не знаю, как это поэты ездят в творческую командировку. Приедут — бах! — и цикл стихов. Мне вообще не хочется писать стихи про то, что я там увидел, потому что не очень сильно это понимаю.

Надо пожить в стране, чтобы кое-что понять и иметь право про это писать.

Песни мои — сюрреальные

— Часто спрашивают, где я беру темы для своих песен. Темы повсюду: те новые впечатления, которые я получаю, являются основой, а вообще все это придумано, обрабатывает материалом, я же имею права на авторскую фантазию, на какие-то допуски. Песни мои — сюрреальные: в них иногда происходят такие вещи, которых мы в нормальной жизни, может быть, никогда и не видим. 10 процентов я беру из чьих-нибудь рассказов и собственных впечатлений, а на 90 процентов все придумано. Иначе нет тайны, ее даже песней не назовешь, какая же это поэзия.

Очень часто из тех мест, где я бываю в поездках или на гастролях, я привожу различные зарисовки и свои впечатления. Потом делаю из них либо песню, либо так и оставляю зарисовкой, то есть тем, на что упал взгляд в данный момент. Эти вещи не тянут на песню, в них нет второго дна. В некоторые песни я совсем не стараюсь вложить точный смысл и такую целенаправленность. Песни против пьянства и пьяниц — это тоже типа зарисовок.

Людмила Гурченко

Сияние любви

Недавно держала в руках сценарий фильма о Высоцком, но не решилась принять участие. Не решилась спеть песню Высоцкого на телевидении. Что-то внутри сдерживало. Думала, может, пусть лучше тайный островок с названием «В. В.» в моей душе останется нетронутым.

Но... Жизни! Разве ее срежиссируешь?! Вчера все было серо, безнадежно. Сегодня — чистое небо, светит солнце и хочется жить! И до боли в душе не хватает его! Нет, сказать про Володю — дело святое.

...В то лето 1966 года Володя Высоцкий, Сева Абдулов и я с дочкой Машей оказались однажды в очереди ресторана «Узбекистан». Стояли мы бесконечно. Перед нами все проходили и проходили какие-то люди в черных костюмах. Это было время, когда после «Карнавальная ночь» меня уже на улицах не узнавали, а Володю еще не знали в лицо. Фильмы, фотографии его были впереди. Он вел себя спокойно. Я же нервничала, дергалась: «Ужас, а? Хамство! Правда, Володя? Мы стоим, а они уже, смотри! Вот интересно, кто они?» Потом мы ели во дворе «Узбекистана» разные вкусные блюда. И — только ели. Никогда в жизни я не видела Володю нетрезвым. Это для меня чужие рассказы. Только в его песнях я ощущала разбушевавшиеся, безбрежные русские загулы и гудения.

Через несколько дней Володя мне спел:

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первые стояли,
А те, что сзади нас, — уже едят...»

...А потом — женитьба на красавице Марине Влади, поездка в Париж и обратно, и слухи, слухи, слухи. Сплетни, сплетни и легенды. Видели, что теперь он носит кепку в клеточку и что машина у него заграничная. Говорили, что изменился, стал другим.

После долгого перерыва я увидела его вместе с Мариной на фирме «Мелодия». Богиня экрана обаятельно, делово, с напором доказывала кому-то, что нужно выпустить «гран-диск-Волёди». «Мариночка, Мариночка», — останавливал ее Володя своим чудным голосом... «Волёдя, спой еще! Ой, Волёдя, што ты со мной делаешь!» И обнимала его, и голову на плечо ему укладывала. И хотя у нас такие отношения «на людях» не очень-то приняты, но от этой пары исходило такое сияние, что — ну, не знаю — если на свете и есть настоящая любовь, то, ей-богу, это была она!..

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Что ценно в мужчине

— В мужчине ценно сочетание доброты, силы и ума. Когда я подписываю фотографии пацанам, подросткам и даже детям — хоть это к делу не относится, — обязательно пишу ему: «Вырасти сильным, умным и добрым». А женщине я написал бы: «Будь умной, красивой и доброй».

Перекресток мнений

из ПОЛЕМИЧЕСКИХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ
КРИТИКОВ

— Феномен Владимира Высоцкого в том, что он сделал себя, создал, сотворил совершенно самостоятельно, вопреки всем принятым вкусам и сложившимся в театральном, кинематографическом и литературном мире традициям.

Своим ни в какие рамки не влезающим, сто раз обруганным, под подозрение взятым, миллионы людей за живое взявшим творчеством он сам, без разрешения и без спроса, поставил режиссеров, поэтов и критиков перед фактом своего существования в искусстве.

— Сколько было и есть на свете кумиров и властителей дум, а ведь никого из них народ с собою, со своею судьбою, с тяготами своими и испытаниями, со всем тем, что пережил, не отождествляет. А если и отождествляет, то как бы в рамках искусства, вот, мол, хорошие стихи, совсем как про меня... Здесь же признание было буквальным — не просто про нас, но один из нас, такая складывалась душевная формулировка.

— Меня интересует только одна грань его творчества — всеядность. Думаю, в огромном арсенале Высоцкого для каждого нашлась бы песня по душе. Но случайно ли так много песенных ролей взято певцом из жизни тех, кого он будто бы презирал, — торговцев, блатных, наших «неолюмпенов»? Когда от имени «высоколобовых» стараются отделить Высоцкого от «шашлычников», это плохо удается. Большую часть песен актер сыграл на них. Да и

популярность такую невиданную приобрел благодаря вращению в массовую культуру...

Искренность его песен о войне — это искренность актера, предельно откровенного в игре, становящегося на миг фронтовиком, в отличие от песен о войне Булата Окуджавы, не играющего, а вновь переживающего суровые годы. То же самое можно сказать о песнях о горах, о море, об охоте. И даже в песнях из жизни блатных. Это переживания актера, хорошо играющего свою роль. Как всякий актер, прекрасно знающий публику, умеющий на нее работать, Высоцкий очень много своих песен-ролей сознательно посвятил полукультуре обывателя. Может быть, он при этом обывателя и презирал, потому что знал: ему служит. Может быть... Но опускался до вкуса самой бескультурной публики...

— Может быть, потому и ослаблен у некоторых мастеров искусства и их почитателей интерес к традиционным вечным вопросам, может быть, оттого и «духовное тщедушие», что они боятся заглянуть вглубь, видят там лишь пустоту или катастрофу, и от инстинктивного страха закапываются глубже в быт, в мелочи, в сиюминутность, и работают исключительно на «биологическом уровне...»

Не случайно мастера «заниженного» искусства так любят пародии. Пародируется почти все. Пародии легче запоминаются, они не требуют умственного напряжения, они всегда на потребу.

Марина Влади

Владимир, или Прерванный полет

Ты ведь даришь мне самое драгоценное — свой талант. Когда я спрашиваю, как это у тебя получается, откуда берется неутолимое желание начертать на бумаге эти слова в определенном порядке, порой без единой пометки, ты не знаешь, что ответить: невольная гримаса, жест рук, которые ты разводишь, пожав плечами, свидетельствуют о том, что ты и сам не понимаешь: «Получилось, и все» — и добавляешь: «Подчас, знаешь, бывает нелегко».

...Подобно губке ты впитываешь эмоции, рассказы, насыщая свои стихи пережитым, ничего не бросая по дороге. Любая тема может в тот или другой день вылиться в поэму: война, спорт, лагерь, болезнь, любовь, смерть — ничего не ускользает от твоего внимания, и, читая все тобой написанное, можно представить себе, что прожил сотни жизней.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Актерская профессия для женщины хороша

— Я больше ценю в человеке творца, чем исполнителя, и поэтому не люблю актерскую профессию в чистом виде, потому что эта профессия исполнительская и дамская — не в обиду будет сказано женщинам, ибо для женщины эта профессия замечательная: всегда хорошо, красиво одеты, хорошо выглядят. Но хорошо быть хорошей актрисой. А для мужчины все-таки в ней много отрицательных черт. Во-первых, эта самая низшая ступень театрального искусства: всегда над тобой режиссер, потом автор, потом директор, потом начальство в министерстве, потом... господь бог. А актер где-то там, внизу. Ему говорят: «Подите принесите...»

Но у нас в Театре на Таганке дело обстоит немножечко по-другому...

Многие из наших актеров — музыкально образованные люди, играют на разных инструментах, пишут музыку, стихи, прозу, есть среди нас и профессиональные композиторы. И из-за того, что так много вложено в это дело авторства актеров, то есть использовано их творческое хобби, — от этого дело становится дороже. Это всегда так: чем больше вкладываешь в дело, в человека, в ребенка, в любимую девушку — всегда становится дороже и ближе и это дело, и человек. Так в этом мире случилось: больше страдаешь — ценнее становится. Нормальному человеку свойственно больше отдавать, чем брать. Делать подарки приятней, чем получать, — правда, если есть возможность.

Известный киносценарист Эдуард Володарский вспоминает о том, как они с Высоцким вместе писали сценарий.

«Он был напичкан «замечательными историями», как новогодний мешок подарками.

...Рассказчик он был классный, увлекающийся, азартный, и приврет — недорого возьмет, хотя, нет, не приврет, а сочинит его фантазия, которая работала в нем в любое время дня и ночи».

Долго не складывался творческий союз талантливого сценариста и популярного актера, тому было несколько причин — занятость Высоцкого, непроходимость, непривычность предлагаемых им сюжетов и, как пишет Володарский, ему казалось, что Высоцкий в конце концов и сам может написать, ему стоит лишь «дозреть», остановиться.

Марина Влади. 1989 г.

«Свойством его природы было невероятное упорство в достижении какой-либо цели, которая могла быть и незначительной, но ему самому представлялась важной и нужной. Вот засела в нем мысль написать сценарий, и он всем окружающим плешь проест, но не отступится, не забудет, желание не пропадет и рано или поздно, но он своего добьется, это неизбежно, как приход зимы или лета».

В канун нового 1979 года Высоцкий рассказал Володарскому услышанную историю генерала Войтенко, летчика, во время войны в звании старшего лейтенанта попавшего в плен, работавшего, как и тысячи других заключенных, на заводе Брауна, производящем ФАУ и первые реактивные самолеты. В самом конце войны он и его четверо товарищей — военнопленных — совершают побег. Все разных национальностей. Ошалевшие

от свободы, живут они на брошенной вилле, потом на другой... Но вот беда: американский патруль принимает их за эсэсовцев. В итоге убит сержант, их преследует военная полиция. Мирные дни стали для них продолжением войны...

Оказалось, что Высоцкому эту историю в течение нескольких вечеров рассказывал сам Войтенко, армейский ветеран. Рассказ был записан на диктофон.

«Где Володя познакомился с генералом Войтенко, каким образом, не знаю, — говорит Эдуард Володарский. — Но и не удивился этому знакомству: Высоцкий был необыкновенно контактным человеком, если ему кто-то нравился, заинтересовал его, он знакомился сразу, напролом, он удивительно располагал к себе людей, внушал доверие, ему они рассказывали такое, что вряд ли рассказали бы кому-нибудь еще. Это я знаю и по себе. И те далекие годы войны для Володи не были далекими. Он словно ощущал всем своим существом их обжигающее дыхание, он боготворил фронтовиков, с жадностью необыкновенной слушая их рассказы о войне. Может быть, происходило это потому, что его детство пришлось на войну и тяжкие послевоенные годы.

Словом, история, рассказанная Высоцким, так поразила меня, что я решился:

— Давай попробуем... Тут есть родное и близкое...»

Неделю при встречах они обговаривали детали. Первого января в своей квартире Высоцкий заставил Володарского засесть за начальные эпизоды сценария.

Они заснули в пять утра. В восемь Высоцкий разбудил товарища, накормил завтраком, и уехал на репетицию. Приехал в три, прочитал написанное, поспорил, рассказал еще две придуманные сценки. Вечером уехал на спектакль, в одиннадцать был дома. Приехали гости, но они сидели в кабинете, работали. Снова до пяти утра.

Эдуард Володарский

Поднять на свою высоту

— Потом прошли третьи сутки, четвертые. Тогда, занятой работой, я даже не подумал, что Володя за это время спал меньше меня, почти все время был на ногах, ездил на репетиции, на спектакли, варил кофе, подбодрял, подталкивая меня и при всем этом был весь поглощен сценарием, который мы сочиняли. У меня раньше бывали моменты большого подъема сил, когда, так сказать, волшебное вдохновение посещает тебя, — я мог работать по двенадцать, четырнадцать часов кряду, но работать сутки напролет... не смыкая глаз... и при этом чувствовать себя как рыба в воде, быть жизнерадостным, агрессивным, напористым... Просто дьявольская работоспособность была у этого человека. Слово в один день своей жизни он умудрялся прожить пять, если не больше. Такое сумасшествие продолжалось пять суток. Утром шестого января сценарий был закончен.

...Он был способен и на большее. И при этом не говорил о себе. Он любил восхищаться друзьями, хвалить их, часто преувеличивая их достоинства. Он умел любить. И чувствуя эту любовь, ты сам вдруг начинал понимать, что способен на значительно большее, нежели предполагал. Он тянул друзей на свою высоту. Недаром и прозвище среди друзей у него было «Высота»¹.

¹ Сценарий в ту пору не был принят. Режиссеры, как отмечает Э. Володарский, только и разводили руками: «Непроходимо...» Жерар Депардьё, ознакомившись во Франции со сценарием, сообщил Высоцкому, что готов сниматься без гонорара. Как, впрочем, и поляк Данек Ольбрыхский. Но фильму тогда не суждено было осуществиться. В 1980 году Высоцкий умер. Тем не менее сейчас готовится советско-французский фильм «Каникулы после войны».

Одна из моих любимых песен Высоцкого — «Звезды». Помните! «Нам говорили — «Нужна высота!» И — «Не жалеть патронов».

Удивительно сильная песня, трагедийная. Думаю, что в военном цикле той поры Владимир Высоцкий обрел могучую силу, и нашел ей прочную точку приложения. «Я родом из детства» и «Вертикаль» — две киноленты, где появились его гражданские песни, которые «официально» запела вся страна.

Тогда вышли его первые пластинки.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

О грусти

— Спрашивают, почему я такой грустный. Я думаю, это вопрос не из сентиментальности и заботы о моем здоровье, а просто люди думают, что мне кажется, будто вы не все понимаете. Это совсем не так. Я абсолютно уверен, что семена падают в благоприятную почву.

А грустный? А чего особенно веселиться?!

И все-таки снова вернемся к вопросу: почему так много военных песен написано Высоцким? Этот вопрос ему задавали часто. Однажды он ответил на него особенно подробно. И назвал четыре причины.

Нельзя об этом забывать — о беде, постигшей нашу землю, о страданиях, которые испытал тогда народ.

Военная семья, где и среди друзей было много военных, фронтовиков с трудными судьбами — Володя в детстве часами слушал их разговоры.

Один человек, говорит далее Высоцкий, очень метко заметил, что дети военных лет «довоевывают в своих песнях». У всех болит совесть, что не довелось тогда участвовать в боях.

И еще то, что на войне человек всегда ярче раскрывается. Тут не соврешь, на грани, за полшага от смерти. Люди чисты, и о таких всегда интересно писать. В тех ситуациях была возможность чаще проявлять такие качества как надежность, дружба, когда друг прикрывает спину.

«Меня совсем не интересует, когда люди сидят, едят или отдыхают — я про них не пишу, только разве комедийные песни», — подчеркивает Высоцкий.

Андрей Поздняев, журналист

Это я не вернулся из боя

...В четыре часа утра 9 мая 1945 года 10-й гвардейский танковый корпус, входивший в состав 4-й танковой армии, ворвался в Прагу. Среди тех, кто освободил столицу Чехословакии от немецко-фашистских войск и поставил победную точку в войне, был и майор Семен Высоцкий.

Свое первое боевое крещение он получил, будучи младшим лейтенантом, осенью сорок первого под Москвой. Участвовал в боях за освобождение Донбасса, Приднепровья, Польши. Дошел до Берлина. В 1943 году вступил в ряды КПСС. Был награжден четырьмя боевыми орденами и двенадцатью медалями... В семьдесят первом году в звании полковника он вышел в отставку.

Семен Владимирович Высоцкий

Парень рос боевой

— Я, конечно, много говорил Володе и о Пражской операции, и о других боях, в которых мне довелось участвовать. Он вообще, когда у нас дома речь заходила о

Перекресток мнений

ИЗ ПОЛЕМИЧЕСКИХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ
КРИТИКОВ

— Работяги, ветераны, возвращенцы из «мест отдаленных», люмпены и бичи, о которых или в образе которых пел Высоцкий, давно и прочно существовали в реальной действительности и только в искусстве по-настоящему, в истинном своем виде не были воплощены. А быть воплощенным в искусстве не прихоть, — это настоящая потребность живой человеческой души, социального слоя, общности людей, объединенных одной судьбой. Правдой этих людей, не льстивой, не заискивающей перед ними, и подкупил Высоцкий страну. Страна, во многом из таких вот невоплощенных людей и состоявшая, узнала себя в его балладах, притчах и сатирах, а узнавши, признала его своим.

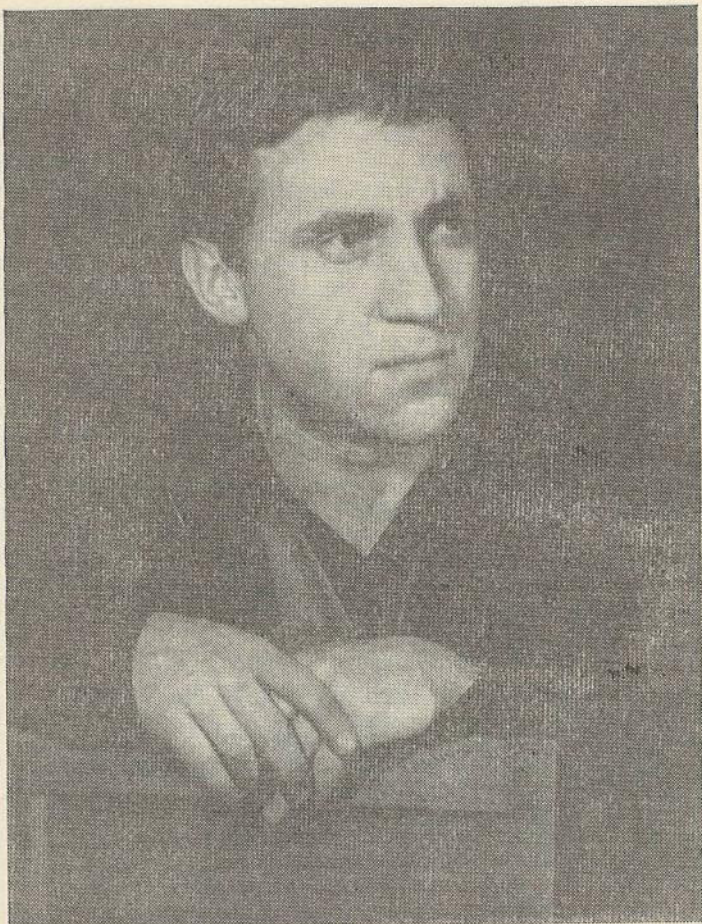
— Жизнь потому так сильно, так массово откликнулась Высоцкому, что в его творчество входила такой, какая есть. Самым разнообразным формам и свойствам жизни — веселым, печальным, мрачным, высоким, низким, грубым, страшным, прекрасным — был дан ход в поэтическое творчество.

— В молодежной газете недавно прочитал беседу с молодым поэтом-песенником, автором «Более ста песен». Фамилия его, однако, никому ничего не скажет. Так вот этот автор говорит так: «Как и у многих поэтов, работающих в жанре эстрадной

песни, у меня вызывает недоумение и даже раздражение, когда кто-то из критиков начинает раскладывать по полочкам песенный текст, находя в нем лишь недостатки. Ведь любая песня складывается из музыки и текста, и только в совокупности можно рассматривать ту или иную композицию с критической точки зрения... Текст песни — это тоже своего рода искусство, но стоящее чуть в стороне... Мне кажется, что тексты песен — это отдельный обособленный жанр».

Но что там молодежная газета, — в бой вступила и наитяжелейшая артиллерия. В журнале «Вопросы философии» № 7 за 1986 год выступил доктор философских наук В. И. Толстых со статьей «В зеркале творчества (Владимир Высоцкий как явление культуры)».

«На чем держится общественный интерес к поэту? Как ни покажется странным такое утверждение, дело здесь не в таланте и его своеобразии, а в богатстве социальной значимости связей творца искусства с окружающим миром». В переводе с наукообразного жаргона получается: «суть не в том, был ли у Высоцкого поэтический талант, неважно даже, если он не отличался художественным своеобразием, — вот убийственная мысль — главное — связь его с «окружающим миром», то есть прежде всего с теми, кто любил его произведения, а кто не принимает — какая ж с ними связь?».

В молодые годы.

войне, напрочь обо всем забывал — об уроках, об играх с друзьями. Часами мог слушать взрослых.

После окончания войны я остался служить в небольшом, красивом немецком городке. Туда же в январе 1947 года переехал из Москвы и Володя. Прожили мы там два года. Каким он был тогда? Да, пожалуй, самым обычным. Играл в «казаки-разбойники», лазил по деревьям, часами пропадал на речке Финов, хотя купаться там было небезопасно: еще не выловили со дна все снаряды и мины... Бывало, вместе с друзьями находили в лесу патроны, бросали их в костер... Один раз, помню, пришел домой с обгоревшим чубом, без бровей. Само собой, пришлось провести с ним соответствующую воспитательную работу. Вообще парень рос боевой. Думаю, будь он годков на пять постарше, во время войны наверняка бы удрал на фронт...

По совести сказать, я никогда не думал, что сын станет актером и поэтом. Правда, он научился играть на фортепиано. Позже, когда Володя снимался в роли капитана Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя», это ему пригодилось: помните, он поет там романс и сам себе аккомпанирует.

Нина Максимовна Высоцкая

Что такое счастье

Сам Володя не по годам стойко переносил все тяготы неустроенного военного быта. В первые месяцы войны мне приходилось брать его, трехлетнего, с собой на работу. Иной раз и спал он там, прямо на столах. Когда бывали воздушные тревоги, мы спускались в бомбоубежище. Там всегда было битком набито народу, было

душно и жарко. А он хоть бы раз захныкал. Напротив, со всеми перезнакомится, начнет разговаривать.

Несколько раз, с ребятами постарше, лазил на крышу нашего дома на 1-й Мещанской улице. Брал с собой большое ведро и относил в нем песок в специальный ящик, чтобы потом можно было гасить зажигалки.

А еще запомнился такой эпизод. Это уже в Бузулуке было, в Оренбургской области, где мы находились с ним в эвакуации. Вовочка жил там в помещении детского сада, я работала на лесозаготовках. Виделись мы с ним редко. И вот во время одной из наших встреч он вдруг спрашивает меня: «Мама, а что такое счастье?» Я удивилась, конечно, такому взрослому вопросу, но, как могла, объяснила ему. Спустя некоторое время при новой нашей встрече он мне радостно сообщает:

— Мамочка, сегодня у нас было счастье!

— Какое же? — спрашиваю его.

— Манная каша без комков.

Ну, думаю, если молоко перестали разбавлять водой, значит, победа не за горами...

Марина Влади

В ту далекую пору

На твоих концертах плачут седые фронтовики-ветераны, увешанные орденами, молодые люди сидят задумчиво, становятся серьезными.

Ты родился в 1938 году и в войне не участвовал. Твой единственный подвиг той поры состоял в том, что в будничном рупоре ты кричал однажды, что на крышу дома упала зажигалка и пожарные-добровольцы должны немедленно погасить ее...

Владимир ВЫСОЦКИЙ

О литературных вкусах

— Каковы мои литературные вкусы? Привязанности мои немногочисленны, а вкусы — определенные. Из теперешних, из деревенщиков, что ли, я очень люблю Можая, Абрамова, Белова; люблю Астафьева, Распутина, Трифонова. Люблю Булата за прозу. Поэзию люблю почти всю...

Марина Влади

В гостях у Н. С. Хрущева

Однажды вечером ты возвращаешься домой в игривом настроении и, бросившись на диван, сообщаем тебе:

— Я — от Хрущева.

Заметив мое удивление, ты рассказываешь, что потерявший власть Хрущев живет недалеко от Москвы, что он пригласил тебя встретиться «по-простому», а тебе было любопытно увидеть этого человека, который руководил Советским Союзом, допустил некоторую либерализацию в искусстве и, что особенно важно, выступил с докладом о преступных делах Сталина. Захватив гитару, ты приехал к нему. На столе стояли пирожки и, конечно же, охлажденная водка. Старый Никита Хрущев сразу же засыпал тебя вопросами.

Его особенно интересует, как ты писал песни о войне. Он считает, что бывшие солдаты много тебе рассказывали о ней. Когда ты говоришь ему, что тебе достаточно почувствовать себя в положении того или иного персонажа, точно так же, как это делают актеры, Хрущев крайне удивляется. Наступает вечер жаркого летнего дня, ты спел много песен, в том числе совсем новых. В полумраке ты рассматриваешь круглое красноватое лицо бывшего первого секретаря. Когда ты задаешь конкретный во-

прос о художниках-абстракционистах, Никита Хрущев взрывается:

— Меня обманули, мне не объяснили. Я ничего не понимаю в живописи, я крестьянин.

Твои глаза были немного грустными, когда ты заканчивал свой рассказ об этой встрече.

Юрий Трифонов

Картина современной России

...Как-то весной он устроил большой концерт в воинском клубе и пригласил меня. Я в первый раз видел его выступление на публике, и меня поразило, с каким восторгом и пониманием слушали его и солдаты, и офицеры в самых высоких званиях. Они все воспринимали его тоже как своего.

Высоцкий был поэт остросатирический, он высмеивал бюрократов, чиновников, подхалимов, дураков и — в особенности — обывателей, пожирателей благополучия. У него очень много злых и чрезвычайно острых песен об этом слое городского мещанства, и, что особенно странно, все эти люди, персонажи его сатир, тоже его любили, как будто не понимали, что он над ними издевается. В этом есть какая-то загадочность и объяснить ее так вот сразу я не берусь.

По своему человеческому свойству и в творчестве своем он был очень русским человеком. Он выражал нечто такое, чему в русском языке я даже не могу подобрать нужного слова. Немцы называют это менталитет, приблизительно это переводится, как склад ума, образ мышления, характер души. Так вот, менталитет русского народа Высоцкий выразил, как, пожалуй, никто другой, коснувшись при этом глубин, иногда уходящих очень далеко... И ширина его охвата почти безгранична: от жизни ученых до криминальных слоев. И все это было спаяно вместе, и все это была картина жизни современной ему России.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

„Мой остров“

(Выдержки из анкеты)

Твое увлечение — Стихи, зажигалки.

Чему ты в последний раз радовался? — Хорошему настроению.

Что тебя в последний раз огорчило? — Все.

Что бы ты сделал, не откладывая, если бы вдруг стал обладателем миллиона рублей? — Устроил банкет.

Любимое место в любимом городе — Москва, Самотека.

Любимая футбольная команда — Нет.

Твоя мечта — О лучшей жизни.

Ты счастлив? — Иногда — да.

Хочешь быть великим и почему? — Хочу и буду. Но это уж знаете...

Марина Влади

Раненая гордость

В один прекрасный день мы прогуливаемся по улице в центре города. Очень жарко, окна домов открыты настежь. В каждом из них звучит твой голос. Мне не верится, но нет, я узнаю твой хриплый голос, твою неповторимую манеру исполнения, это — ты. Ты рядом, и чем дальше мы идем, тем больше расцветает на твоём лице улыбка, ты горд и восхищен тем, что можешь показать, как велик в жизни твой успех. Эта раненая гордость приведет однажды к драме.

...То, что я увидела, ужаснуло меня: из твоего горла

ПРОТИВ ЛЖИ

В конце февраля нынешнего года вышла в свет на русском языке книга Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». Этому событию была посвящена пресс-конференция, устроенная издательством «Прогресс», на которой присутствовали Марина Влади и сыновья Высоцкого — Аркадий и Никита.

Событие это примечательно не только самим фактом выхода книги, но прежде всего тем, что она, можно сказать, расставила точные акценты в отношении памяти Высоцкого, столь необходимые нам сегодня.

Не секрет, что последние два года омрачены безудержной экзальтацией и эпатированием публики вокруг имени Высоцкого. Как это уже не раз случалось, каждый, кому не лень, считал своим долгом помянуть «Володю», с единственной, но корыстной целью «погреться в лучах».

Обойдемся без упреков.

И все-таки большинство присутствующих на пресс-конференции поразила степень откровенности, с которой рассказывается о пороках и слабостях любимого и выдающегося человека. Трудно освободиться от черно-белого восприятия и перпендикулярного мышления, когда с завидным воодушевлением мы воздаем хулу и хвалу в зависимости от поступающих циркуляров.

Поэтому представление новой книги издательства «Прогресс» стало наглядным уроком «нового мышления», на этот раз преподанного из-за рубежа. Во всяком случае, так можно толковать ясную и внятную позицию Марины Влади, которая и в книге и в жизни решительно отвергает обожествление личности Высоцкого.

«Память должна быть живой», — считает Влади. Приглашенный, пай-мальчик — Высоцкий — очень нужен тем, кто хотел бы поскорее забыть, как при жизни Володи они не с меньшим энтузиазмом запрещали, изгоняли, блокировали его творческий поиск, его духовный прорыв к миллиону сердец.

А то ведь как «гладко» получается: жил-жил человек — и вдруг ни с того ни с сего умер в сорок два года. Нет, Марина Влади не предлагала сводить счеты, она выступала против лжи. Посмертная ложь — она ничуть не лучше прижизненной правды, как бы горька она ни была. Жаль только, что мы подчас очень поздно это понимаем. Но это необходимо сделать, и прежде всего самым близким людям — сыновьям. Вот уж какой венок не подходит Высоцкому, так это — терновый. Увы, слишком часто великоборцев унижают до великомучеников.

Книге Марины Влади, по иронии судьбы, уготована участь песни Высоцкого — до людей она дойдет скорее всего в самодельных ксерокопиях, как некогда песни поэта тиражировались на кассетах. Но она непременно дойдет, и люди не осудят ее за правду.

бьет кровь, оставляя следы повсюду кругом. Как только спазм прекратился, ты, пошатываясь, пытаешься сделать несколько шагов, но мне приходится подхватить тебя...

По совету одного из гостей мы зовем врача, человека светского и некомпетентного (я об этом узнала позже), который предписывает тебе покой и несколько капель успокоительного. Но спазмы возобновляются. Гости расходятся. Мои сестры, полные беспокойства, ждут новостей в гостинице...

Ты больше не говоришь, полуоткрытые глаза просят о помощи. Я умоляю вызвать «скорую», у тебя почти исчез пульс, меня охватывает паника. Реакция двух прибывших врачей и медсестры проста и жестока: слишком поздно, слишком много риска, ты нетранспортабелен. Они не желают иметь покойника в машине, это плохо для плана.

По растерянным лицам моих друзей я понимаю, что решение врачей бесповоротно. Тогда я загораживаю им выход, кричу, что если они сейчас же не повезут тебя в больницу, я устрою международный скандал. Я кричу этим несчастным людям, типичным представителям дешевой медицинской системы, плохо оплачиваемым, малоуважаемым, задача которых состоит в том, чтобы выполнить план, а не лечить и выхаживать людей, кричу им слова, которые пугают их. Они наконец понимают, что умирающий — это Высоцкий, а взлохмаченная и кричащая женщина — французская актриса. После короткого консилиума, ругаясь, они уносят тебя на одеяле.

Эта трагедия, возможно, и дала основание для слухов о смерти Высоцкого. Хорошо помню публикацию стихотворения Андрея Вознесенского в журнале «Дружба народов» в 1972 году. И хотя оно было озаглавлено «Песня о Семенове, шофере и гитаристе» (видимо, тогда у автора и редакции не было возможности назвать настоящее имя героя), все же с первых строк было ясно, кто он — «шансонье всяя Руси».

Андрей Вознесенский Песня о Семенове, шофере и гитаристе

Посвящается врачам-реаниматорам
института Склифосовского

За упокой Семенова Владимира
колени преклоненная братва,
разгладивши битловки, заводила
его потусторонние слова.
Владимир умер в два часа.
И бездыханно
стояли серые глаза,
как два стакана.
А по лицу росли усы
пустой утехой.
Резинкой врезались трупы,
разит аптекой.
Спи, шансонье всяя Руси,
отпетый.
Ушел твой ангел в небеси
обедать...
Володька,
если горлом кровь,
Володька,
когда от умных докторов
воротит
и врежешься во встречный рев
на повороте...
А баба, русский журавель,
в отлете
кричит за тридевять земель:
«Володя...»
Ты шел закатною Москвой,

как богомаз-мастеровой,
чуть выпив,
с беспечной челкой на челе,
шел популярней, чем Пеле,
носил гитару на плече,
как пару нимбов.
Один для матери — большой,
золотенький,
под ним для мальчика — меньшей,
Володя...
За этот голос с хрипотцой —
дрожь сводит!
Отравленная хлеб-соль
мелодий.
Купил в валютке шарф цветной —
да не походишь,
отныне вечный выходной —
свободен...

Перекресток мнений

из ПОЛЕМИЧЕСКИХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ
КРИТИКОВ

— Религия потребления вырабатывает свои «идеалы», демонстрирует своих идолов. Сегодня требуется холодильник «Ока», а завтра уже — престижен «Розенлев». В красном углу — телевизор с вечно меняющимся потоком новостей и эстрадных кумиров. В этой «религии» все направлено на потребление, ничего — на творчество. Возникает даже боязнь поступка. Идут на риск во имя непоступка. То есть во имя нетворчества, что любой осознанный поступок — акт творческий.

Сегодня порою стараются подменить настоящее искусство бездуховной зрелищностью, многими сложными психологическими построениями, а то и просто пошловатыми сюжетами.

Итак, с одной стороны — игра на занижение, игра на чувственные нервные окончания у эстетически неразвитой части читателей и слушателей, с другой стороны — пробуждение в человеке художника, стремление к идеалу.

— Насмешливые, иронические, ернические монологи и пародии без малейшей помощи

средств массовой информации разлетались по стране не только на волне остроумия и артистизма, они воспринимались как реакция на монотонную болтовню записных докладчиков, на византийские церемонии бесконечных награждений, на вымученные лозунги и в бюрократических недрах рожденные починки. Здравый смысл народа — вот что они выражали. А народ это безошибочно чувствовал. И словно бы заслонялся ими от трескотни профессиональных оптимистов, живую душу сберегал ими в абсурдной атмосфере глубокого удовлетворения и казенного протокола. Высоцкий, надо сказать, не так уж и обличал, в лучших традициях мудрого шутства и непочтительного скоморошества он воспевал пусть неказистую, смешную, горькую, но неподдельно живую реальность и тем самым располагал к себе самые закрытые и суровые сердца. С помощью его песен люди глубже, трезвее и, как это ни странно, оптимистичнее осознавали время, в которое им выпало жить, и платили ему за это безграничную любовью.

Марина В л а д и

Ожидание

Прошел бесконечно длинный день. Пару раз я безуспешно пытаюсь поговорить с одним из врачей, выходящим из комнаты, в которой лежишь ты. Он ничего не хочет говорить, надо ждать. Поздно вечером — а прошло уже шестнадцать часов, как я здесь, — один из врачей, невысокий, с живыми глазами и торчащими усами, дает мне знак подойти и следовать за ним. Я прохожу через дверь и оказываюсь в малюсенькой комнате. В углу разорванные одежды в крови, компрессы, пустые ампулы — беспорядок, как на стройке. Справа видна большая комната, она ярко освещена. На передвижных столах лежат обнаженные тела, к которым подсоединены какие-то трубки. Я узнаю тебя, безжизненного, твоя грудь с хрипом поднимается. Игорек, врач небольшого роста, предупреждает меня: «Было трудно, он потерял много крови».

* * *

А в Склифосовке — филиал
Евангелья.
И Воскрешающий сказал:
«Закрывать едальники!»
Твоею песнею гремя
под маскою
врачи произвели реанимацию.
Ввернули серые твои,
как в новоселье.
Сказали: «Топай. Чти ГАИ.
Пой веселее».
Вернулась снова жизнь в тебя.
И ты, отудобев,
нам всем сказал: «Вы все — туда.
А я — оттудова...»
Гремите, оркестры.
Козыри — крести.
Володька воскресет!
Воистину воскресет!

* * *

„Песни слышали звезды!“

Ты приглашен к космонавтам в их городок. Сидя в тренажере, ты испытываешь перегрузки, с которыми справляешься легко, и выходишь под аплодисменты, хотя тебя полагали увидеть вывернутым наизнанку. Ты пел им до позднего вечера. У каждого был свой магнитофон, и все, что ты говорил, каждый аккорд гитары был записан на пленку.

Спустя несколько месяцев ты, весь в снегу, влетаешь в квартиру и, не снимая шапки и пальто, протягиваешь мне руки. На ладонях лежит кассета. По твоему радостному виду я понимаю, что это не обычная кассета. Я беру ее, и тогда ты нетерпеливо кричишь:

— Да смотри же! Смотри лучше!

Твое имя крупно написано синими чернилами на изоляционной ленте. Я с трудом разбираю: Высоцкий. Ты рычишь:

— Это лента с космического корабля. Они привезли мне кассету после многодневного полета. Понимаешь, они слушали там, наверху, мои песни слышали звезды!

Космонавт Георгий Г р е ч к о

Ценности не падали в цене

Это была часовая кассета. На обложке — его портрет. Перед полетом космонавтов, как правило, спрашивают, какие магнитофонные записи хотели бы взять с собой на

орбиту. Мы с Юрой Романенко, не задумываясь, ответили — песни Владимира Высоцкого. Нам достали кассету. Не думал, что у нее будет не совсем обычная судьба...

Первый раз перед выходом в открытый космос ты испытываешь то же, что солдат перед боем, — ты представитель своей страны, она тебе поручила, и ты должен выдержать, несмотря ни на что. Песни Высоцкого в такие часы, как «локоть друга», придающий уверенность. Поэтому естественно, что перед возвращением на Землю у нас с Юрием Романенко появилась мысль вернуть из космоса кассету и подарить Высоцкому в знак благодарности за поддержку.

Я взял кассету, вынул из нее суперобложку, поставил штамп станции (я тогда был внештатным начальником космического почтового узла). Вместе с Юрой мы написали ему слова благодарности, расписались и уже хотели положить кассету в мешочек для спуска на Землю, но одна мысль нас остановила. Песни Высоцкого поддерживали нас, а вскоре на станцию прилетят наши товарищи. Они будут в космосе дольше, и у них будет более трудная задача. Почему мы лишаем их поддержки? И тогда мы кассету вынули, а на Землю спустили коробочку с суперобложкой.

Я подарил ее Высоцкому после спектакля в Театре на Таганке.

В 70-е годы престижными стали совсем иные профессии... В творчестве Высоцкого ценности не упали в цене.

Кто-то считал, что Высоцкий чернит многое зря, а ведь он чернил лишь то, что было не только черное — грязное. А вот то, что многие уже перестали рассматривать как передовое, зовущее, героическое, он, наоборот, чувствовал и воспевал.

И когда появились разговоры о том, что те полеты в космос «легкий хлеб», быстрая дорога к наградам, к славе, Высоцкий написал поэму о космонавте. Она антипод не только бравурным газетным статьям, но и всей космической поэзии.

Хлестнула память мне кнутом по нервам,
В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер, который мог быть первым,
Который смог впервые стать вторым.
Пока что на него не тратят шрифта —
Запас заглавных букв на одного.
Мы с ним вдвоем прошли весь путь

до лифта,

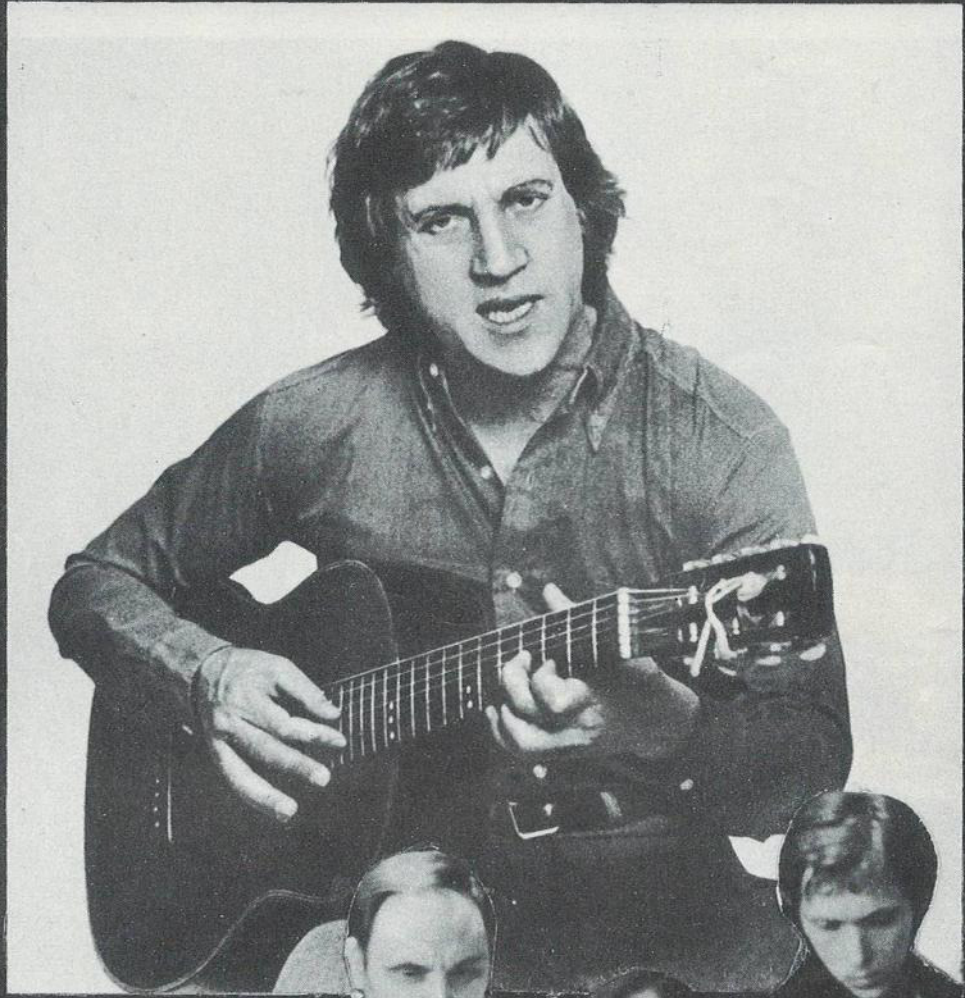
Но дальше я поднялся без него...

Это самочувствие человека, который был равным, а через шаг он не только не равный, не только не второй, а вообще никто — на время, а бывало и навсегда. Это нелегко. И то, что даже это почувствовал Высоцкий, — это поразительно.

Владимир В Ы С О Ц К И Й

Против чего протестуют в песнях „протеста“?

— На Западе авторские песни (в нашем понимании) называют «песнями протеста». Когда однажды мне перевели несколько таких песен, я увидел, что в них и близко нет ничего похожего на то, что, предположим, делаю я или Булат Окуджава. Мне совершенно непонятно, почему они называются «песнями протеста», меня всегда поражало против чего они протестуют? Ну против войны, но ведь все протестуют против войны, и, в общем, это не то что банально, но знакомо и знамо. Я тоже пишу песни о войне, и где бы я не пел их со сцены — им или дома, я всегда пою, как будто в последний раз. Война нас всех

коснулась, так что этот вопрос понятный — почему я так могу против нее возражать.

У них же этого нет, и, может, поэтому их моя манера исполнения так поражает и удивляет — я всегда пою на очень высокой ноте. Иногда меня спрашивают за границей: почему вы их так прокрикиваете, даже дома? Что вас так беспокоит? Но мне им это очень сложно объяснить. Поэтому мне кажется, что у моих песен очень русские корни и по-настоящему они могут быть понятны только русскому человеку. Особенно последние вещи: «Купола», «Правда и ложь», «Кривая и Нелегкая». А за границей в моих песнях их волнует только темперамент, но все равно они недоумевают: зачем надо так выкладываться?

Еще вот что. Их «песни протеста» направлены против войны, нищеты, инфляции, короче говоря, против таких конкретных проблем. Мне кажется, что наши авторские песни более абстрактны, даже если это касается военных песен: все-таки нужно понять, почему человек, который не прошел войну и никогда не воевал, — почему он все время возвращается ТУДА?!

Марина Влади

„Я их взял!“

...Потом ты поешь несколько своих песен на большом поэтическом вечере в Сан-Дени, потом — выступаешь на гигантской сцене праздника «Юманите». Это сумасшествие — на поле перед сценой двести тысяч зрителей. Когда ты появляешься — один с гитарой — толпа свистит. Все ждут выступлений рок-групп, а не какого-то исполнителя народных песен. Но ты начинаешь — зло — «Охоту на волков», и голос твой рвется из динамиков. Волна пробегаёт по необозримой толпе, все поворачиваются к тебе, и через несколько минут в жадной тишине, нарушаемой только какими-то далекими звуками, ты заканчиваешь свое короткое выступление. Ты кланяешься, под аплодисменты идешь ко мне и, улыбаясь, гордо говоришь: «Я мог остаться на сцене сколько бы захотел, я их взял!»

...Ярко освещенный парк, в центре дом в колониальном стиле. На веранде, в салонах, у бассейна — звезды Голливуда. Красота всех этих людей ошеломляет: длинноногие женщины с восхитительными волосами, загорелые лица, мускулистые тела под легкими платьями; мужчины — рослые, улыбающиеся хищники в поисках добычи. Ты толкаешь меня локтем и как ребенок перечисляешь актеров, стоящих вокруг: Рок Хадсон, Пол Ньюмен, Грегори Пек. И когда Мик Медовой, хозяин дома, просит тишины и обращается к гостям с краткой речью, в которой он представляет тебя, рассказывает, что ты советский актер, поэт, певец с удивительным голосом, я чувствую, как тебе неуютно. Сидящая прямо у твоих ног только что появившаяся Лайза Миннелли улыбается. Ты цепляешься за ее взгляд, начиная свою первую песню. Внезапно все эти вежливо-внимательные лица застывают. Из сада, от бассейна, с террасы, будто притягиваемые невидимыми нитями, к тебе сходятся люди. Твой надрывный голос заставляет их вздрогнуть, женщины прижимаются к своим спутникам, мужчины курят сигарету за сигаретой, бокалы наполняются снова и снова, беззаботность куда-то исчезает. В каждом лице я вижу напряжение. Маски с лиц спадают. Каждый со своим собственным лицом. Кто-то закрывает глаза, впитывая твой крик. Долгая тишина после последней песни. Все смотрят друг на друга, недоумевая, чем их так захватил этот невысокий человек в голубом. Лайза Миннелли и Роберт де Ниро первыми выкрикивают:

— Замечательно! Невероятно!

Все хотят пожать тебе руку, обнять, что-то сказать. Я

Прошла пора вступлений и прелюдий.
Все хорошо, не вру, без дураков.
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».
Быть может, запись слышал из окон,
А может быть, с детьми уши не сваришь.
Как знать? Но приобрел магнитофон
Какой-нибудь ответственный товарищ.
И, предаваясь будничной беседе
В кругу семьи, где свет торшера тускл,
Тихонько, чтоб не слышали соседи,
Он взял, да и нажал на кнопку «пуск».
И там, не разобрав последних слов
(прескверный дубль достали на работе),
Услышал он «Охоту на волков»
И кое-что еще на обороте.
И все прослушав до последней ноты,
И разозлясь, что слов последних нет,
Он поднял трубку: «Автора «Охоты»
Ко мне пришлите завтра в кабинет».
Я не хлебнул для храбрости винца
И, подавляя частую икоту,
С порога от начала до конца
Ему пропел ту самую «Охоту».
Его просили дети, безуслвно,
Чтобы была улыбка на лице.
Но он меня прослушал благосклонно
И даже аплодировал в конце.
И об стакан бутылкою звеня,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: «Да это ж про меня!
Про нас про всех, какие к черту

волки?!»

Ну все — теперь, конечно, что-то будет.
Уже три года — в день по пять звонков.
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

1972—1973

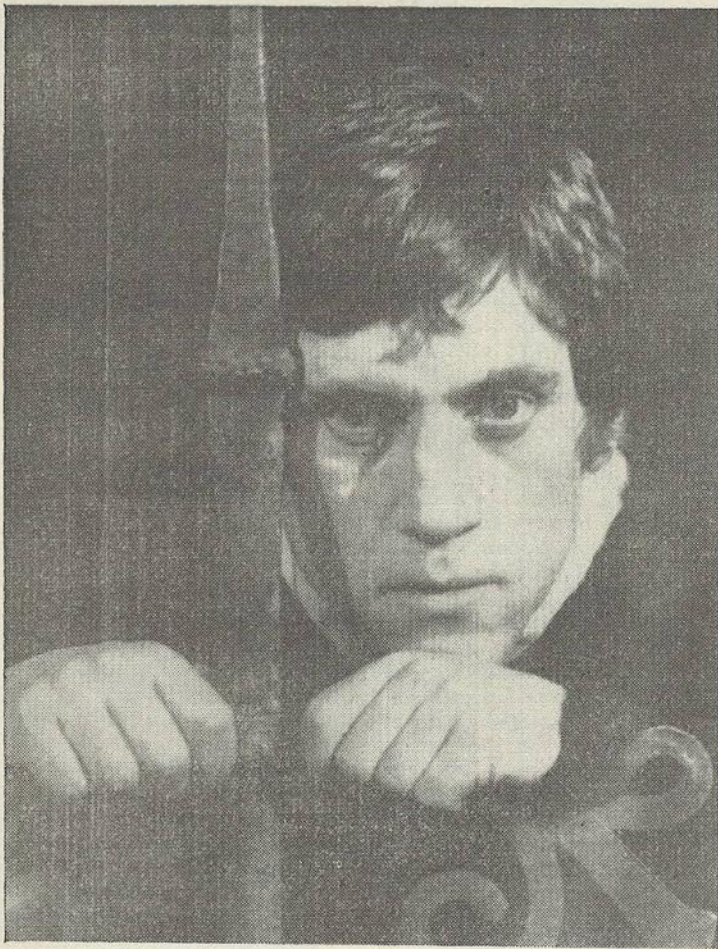
Мой черный человек

Мой черный человек в костюме сером,
Он был министром, домуправом,
офицером.
Как злобный клоун, он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины,
И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: — Спасибо, что живой.
Я суеверен был, искал приметы,
Что, мол, пройдет, терпи, все ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: — Больше — никогда!
Вокруг меня кликуши голосили:
— В Париж мотает, словно мы
в Тюмень!

Пора такого выгнать из России!
Давно пора, видать, начальству лень.
Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег прорва, по ночам кую.
Я все отдам! — берите без доплаты
Трехкомнатную камеру мою.
И мне давали добрые советы,
Чуть свысока, похлопав по плечу,
Мои друзья — известные поэты:
— Не стоит рифмовать «кричу —
торчу».

И лопнула во мне терпенья жила,
И я со смертью перешел на «ты», —
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

1979.

Гамлет

потеряла тебя за спинами этих мужчин и женщин много выше тебя по росту. За один час ты сумел покорить, быть может, самую трудную публику, профессионалов кино, более знаменитых, чем ты, избалованных и пресыщенных.

В книге «Владимир, или Прерванный полет», из которой мы берем выдержки воспоминаний М. Влади, на одной из страниц повествуется, как, будучи в Америке, они встретились с Иосифом Бродским, поэтом, уехавшим из СССР [недавно ему присуждена Нобелевская премия].

Марина Влади

Равный поэту

Бродский рассказывает, как трудно ему здесь живется, к тому же в городе просто опасно. Ему нелегко поверить — такими мирными кажутся сейчас эти почти провинциальные улицы. Затем мы идем к нему домой — в маленькую квартирку, до отказа заполненную книгами, настоящую обитель поэта. Он готовит нам совершенно неожиданный — китайский — завтрак и читает свои стихи, написанные по-английски. Перед тем, как мы уходим, Иосиф Бродский дарит тебе свою книгу и подписывает ее. Ты сильно взволнован. Впервые по-настоящему крупный поэт признает тебя равным себе. Сколько лет ты

ждал такого момента! Тебя всегда относили к категории певцов, рассказчиков, авторов-композиторов, бардов, мейнстримов, но всегда отказывали в приеме в эту высшую семью, не признавали тебя Поэтом. Официальные поэты Евтушенко, Вознесенский благосклонно улыбались, когда ты приносил свои стихи. Никто никогда не сдержал слова, все брали у тебя некоторые из твоих стихов, обещая содействовать их публикации, но ни разу ты не имел радости увидеть напечатанными черным по белому слова, которые шли от твоего сердца.

Поделюсь небольшим воспоминанием из собственной журналистской практики. Редакция газеты «Советская Россия», отдел литературы и искусства, 1980 год. Умер Высоцкий. Траурная рамка в «Вечерней Москве».

Неизмеримо мощное волеизъявление народа, когда похороны выливаются в массовую манифестацию. Газета «Советская Россия» в ту пору уверенно ищет и находит новые пути к читателю: главный редактор нацеливает на решительную критику, поиск новых тем, разоблачение негодяев, на борьбу с разгильдяйством, бесхозяйственностью, косностью. Газета в полной мере должна отражать жизнь народа, общественное мнение. И вот смерть Высоцкого. Как отозваться на нее! Понятно, что авторитет издания вырастет, если мы дадим умный, справедливый материал о любимом народом человеке. И вот один из сотрудников «добывает» для редакции статью актрисы Аллы Демидовой. Всем ясно, надо печатать. Но остается вопрос: как обосновать публикацию, как объяснить ее появление.

Хорошо помню этот редакционный день. Статью ставят в номер. Первое руководящее указание, какую следует написать врезку, дескать, слухи, пересуды о человеке, а на самом деле он был нормальным, простым, очень талантливым человеком. Потом эту — всего-то двадцать строк — врезку, написанную в отделе, еще дважды переписывали ответственные руководители редакции. Надо было быть очень точным, чтобы потом не было придирок к газете со стороны тех, кто ее курировал.

...Эта подвальная публикация стала разорвавшейся «бомбой» для многомиллионной армии читателей. И радостью для многомиллионной армии почитателей Владимира Высоцкого. И, к сожалению, искомой пищей, жареным для жучков: у могилы Высоцкого в течение недель и месяцев проходимцы торговали этим номером газеты по пятерке.

«Советская Россия» тогда, в самые что ни есть перестройные годы пробивала к читателю много смелых материалов. И давались они непросто. И руководству редакцией, и нам, ее сотрудникам. Были и горячие споры, и многочисленные ссоры.

Но была и гордость за свой труд, ценимый людьми.

Мне, например, запомнилось в связи с той публикацией о В. С. Высоцком, как к нам в секретариат пришел известный кинокритик из «Правды», весь в лучах тогдашней кинопанорамной славы и довольно униженно стал клянчить номер недавно вышедшей газеты. Надо сказать, что номера в библиотечном архиве, которые обычно месяцами лежат, были разобраны очень быстро, поэтому великий кинокритик уже побирався, ходя по кабинетам:

— Я во Францию еду, хотел бы Марине Влади передать, ей будет приятно...

Кто-то отдал «телезвезде» свой припрятанный в ящике письменного стола номер... Раз такое дело, то не жалко...

Потом, спустя некоторое время, редакция получила возможность опубликовать стихи Владимира Высоцкого, а к моменту выхода первой стихотворной книги «Нерв» статью Роберта Рождественского, составившего ее.

Из статьи Роберта Рождественского

Но если для нормальных людей Владимир Высоцкий был своим, был близким, необходимым и любимым актером, то для мещанствующих снобов он, прежде всего, был «модным».

Я ненавижу публику так называемых «престижных» премьер.

Не всю, конечно, публику, а ее самодовольную (кстати, не такую уж и малочисленную) — снобистскую часть.

...Именно такие мещанствующие снобы распускали о Высоцком нелепые, почти фантастические сплетни и слухи, и в то же самое время заискивали и лебезили перед ним. О, как им хотелось, чтобы он — Высоцкий — стал бы и для них «своим в доску», «рубахой-парнем», закадычным «дружком-приятелем»!

А он ненавидел мещан. И снобов — презирал. Любых.

Недаром есть у него горькая и злая песня, которая заканчивается такими словами:

Не надо подходить к чужим столам
и отзываться, если окликают.

Марина Влади

Встреча с Рихтером

Я не знала, что ты преклоняешься перед человеком, которым я тоже глубоко восхищена. Я открыла это для себя в тот день, когда ты, сияя, объявил, что нас ждет к чаю Святослав Рихтер. Нечасто бывало, чтоб так свети-

Лопухин («Вишневый сад»)

лись у тебя глаза. Ты то и дело спрашиваешь у меня, который час, тщательно одеваешься, волнуешься.

Ты приглаживаешь непослушные волосы и не успеваешь опустить руки, как дверь открывается. Так и застываешь с поднятыми руками. Перед тобой седой гигант с голубыми глазами, он, в свою очередь, протягивает тебе обе руки с такими сильными пальцами, что и представить невозможно, как они могут столь осторожно касаться клавиш и заставлять их звучать.

...Мы пьем из старинных фарфоровых чашек янтарный чай с пирожными, говорим о всяких пустяках, восхитительно незаметно проходит время. Мы счастливы. Потом, волоча за собой прицепившиеся серпантинки, еще очарованные, мы пешком спускаемся по лестнице.

1985-й: зал «Плейель», я приду на репетицию Рихтера. Когда метр встанет, я подойду, мы долго будем смотреть друг на друга, его сильные руки сдавят мои плечи. Он улыбнется грустно и тихо скажет:

— Нужно всегда быть готовым умереть, это самое главное.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Об авторской песне

— Иногда бывает так — задумаешь написать что-то смешное, а получается маршевый ритм, твердый, и напишешь что-то серьезное. Бывает и наоборот. А потом я выхожу к зрителю, в зал, и я сам себе владыка. Мои слова — что хочу, то и делаю. Глядишь, что-нибудь выкину, вставлю... Все зависит от публики.

Мои выступления не похожи на эстрадные концерты. Они, скорее, похожи на встречи, на какой-то разговор. Ведь я все свои песни начинал писать только для своих очень близких друзей, и слушателями были только они, Андрей Тарковский, Вася Шукшин, Володя Акимов, Лева Кочарян. Песни были рассказами о том, что меня волновало, только зарифмованными под гитару, чтобы усилить воздействие. А вокруг была дружеская, непринужденная, свободная атмосфера. Атмосфера доверия.

Прошло много лет, но я через все времена и через все гигантские залы стараюсь протащить то ощущение, когда я пел у кого-то дома.

Станислав Говорухин

За два года до смерти

Нашел в записной книжке такую запись.

Володя: «У меня все наоборот — если утону, ищите вверх по течению».

Откуда это. Так не похоже на Высоцкого. Он был человеком, который твердо знал — куда, ради чего и на что он идет. Хотя...

Так хотел сниматься в «Месте встречи», можно сказать, был зачинателем идеи — сделать фильм по роману Вайнеров, так волновался — утверждают, не утвердят на роль Жеглова, и вдруг...

10 мая 1978 года — первый день съемок. И день рождения Марины Влади. Мы в Одессе, на даче нашего друга. И вот — неожиданность. Марина уводит меня в другую комнату. Запирает дверь, со слезами просит: «Отпусти Володю, снимай другого артиста». И Володя: «Пойми, мне так мало осталось, я не могу тратить год жизни на эту роль!» Как много потеряли бы зрители, если бы я сдался в тот вечер.

Марина Влади

Трагическая годовщина

Твое сердце, уставшее от бесконечных эксцессов, перестает биться. Первый раз это случилось 25 июля 1979 года, в жаркий душный день в Самарканде во время спектакля (шел «Гамлет») — ты упал прямо на сцене, бездыханный. Укол в сердце вернул тебя к жизни.

Ровно через год, день в день, 25 июля 1980 года встреча со смертью все же состоялась.

Юрий Любимов

Народ ответил любовью

Владимир был неукротимый человек. Он рвал свое сердце, оно не выдержало и остановилось. Народ ответил ему своей любовью.

Третий день люди идут день и ночь. Проститься с ним. Постоять у гроба. Положить цветы. Раскрыть зонты и защитить цветы от солнца, чтобы они не завяли.

Мы мало охраняли его при жизни. Но, видимо, такова традиция русских поэтов. Но все, что вы видите здесь, говорит само за себя.

Мы сделаем все, чтобы сохранить память о нем в театре. У него остались дети. Наша святая обязанность позаботиться о них. А святая обязанность детей — помнить, кто их отец.

Михаил Ульянов

В неостановимости

Он был замечательным актером, одним из самых замечательных актеров современности. Но он был еще и певцом. Для него песня была вторым языком. Вероятно, он был создан так, что не мог все выразить словами. Так, как мы не можем многое выразить. Но он обладал выразительным даром песни, через которую он любил, ненавидел, презирал, нежно относился, надеялся, мечтал, болел, мучился. Эти песни были как крик, эти песни были как стон сердца, как хруст разрываемого сердца. Его песни любили и не любили. Его песни шокировали, восхищали, удивляли. Они были выражением каких-то народных струн.

Он прожил короткую жизнь. Он действительно не мог остановить своих лошадей. У него не хватало сил. Но ведь в этом и есть весь Высоцкий. В том, что его «лошади» в пене, в ярости, в неостановимости.

В этом и был Высоцкий. И, может быть, поэтому такая любовь, такая потеря. Кто знает? Кто объяснит?

Григорий Чухрай

Помедленнее он не мог

Да, он не щадил своего сердца. Он жил вразнос. Его бешеный темперамент подгонял его всю жизнь. А он, когда было особенно тяжело, просил, кричал: «Помедленнее, чуть помедленнее!»

Но, видимо, помедленнее он не мог. Таков был норов. Такова была личность.

И вот сердце разорвалось. И его нет с нами. Горько всем нам. Мои товарищи-кинематографисты просили меня низко поклониться тебе, Володя! За все, что ты сделал. Но не только за фильмы с твоими прекрасными ролями, которые остались для нас дорогими прелестными бриллиантами. Не только за это.

За то, что ты был таким — низкий тебе поклон.

Никита Михалков

Всегда живой

Он был конкретен. Чрезвычайно талантлив. Для нас он был просто Володя. Для кого-то Высоцкий. Для кого-то Владимир Семенович. Но для всех это был человек бесконечно близкий.

Герцен сказал, что человек, поступки и помыслы которого не в нем самом, а где-то вне его, — раб при всех его храбростях. Володя всегда был человеком, поступки которого всегда были внутри него, а не снаружи. И всегда он был человеком живым.

Для нас он живым навсегда и останется.

Михаил Козаков

У последнего приюта

Смерть самых лучших намечает
И дергает по одному...—

как пел Володя Высоцкий в песне, посвященной Шукшину.

Он лежал на сцене, а над ним — он же на портрете, в рубашке с погончиками, вглядывался в зал: кто сегодня пришел увидеть его в последний раз? Пришли все. Не «вся Москва», а именно ВСЕ, потому, что он пел про то, что они чувствовали, думали, но не умели или не могли сказать вслух.

Их было так много, что охраняло их еще тысяч пять человек в синих рубашках. Хорошо, что их было так много. Иначе маленькому зданию, где лежал он, пришел бы конец.

...Из потока образовалась людская река. Она начиналась от Котельнической набережной и медленно текла к Таганке, чтобы протечь через зал, где лежал на сцене он. А в зале сидели его друзья, коллеги, знакомые, то, что и называется: вся Москва. Вся Москва, что была тогда в Москве. Они смотрели на него. А он смотрел на них с портрета.

И вот его вынесли из главного входа театра. Если бы он смог открыть глаза, он увидел бы только небо между домами, но если бы мог слышать, то вздрогнул бы от этого: «A-а!а!а!..», которое вдруг возникло как общий выдох и куда-то улетело.

Когда процессия выехала на Таганскую площадь, чтобы затем направить свой путь по Садовому кольцу, под машину, которая везла его, полетели цветы, и еще несколько сот метров люди бросали их под колеса автобусов. А потом людей стало меньше, и процессия понеслась по Садовой быстро.

Ну что за кони мне достались привередливые...

Перед Красной Пресней движение замедлилось. Здесь его тоже ждали, и чем было ближе к цели, тем больше становилось людей. К ваганьковским воротам кортеж подъезжал медленно.

Мы успели, в гости к Богу
Не бывает опозданий...

У последнего его приюта людей оказалось сравнительно мало. Палило яркое солнце. У могилы было решено не говорить. Сказал кто-то один, кому это было доверено. Потом — то, что страшно всегда: глухой стук молотков. И все...

Марина Влади

Его планета

— Я знала, что в московском геологическом музее есть метеориты, эти кусочки упавших на землю звезд. У меня была договоренность с его директором, что в па-

мья о Высоцком мне дадут метеорит, который я сама выберу.

Метеорит, упавший посреди Сибири после миллионов лет скитаний, должен был символизировать на могиле Владимира Высоцкого блестящую, страстную и такую короткую жизнь. К сожалению, получилось иначе, но в 1985 году я узнала, что астрономы Крымской обсерватории назвали новый астероид, открытый между орбитами Марса и Юпитера:

ВЛАДВЫСОЦКИЙ.

В международный каталог небесных тел он внесен под номером 2374.

Часто, глядя на небо, я улыбаюсь при мысли, что там в бесконечном и разнообразном мире блуждает маленькая светящаяся точка, не знающее покоя небесное тело, навсегда связанное с именем моего мужа.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Счастье искренности

...Я вообще должен вам сказать, что, когда выхожу на эту площадку, стараюсь не кривить душой и говорить все, что думаю. Мне нет смысла отвечать неискренне. Я пришел сюда не для того, чтобы кому-то нравиться. Зрителям всегда интересно знать: что там у тебя за рубашкой, под кожей? Что ты из себя представляешь? Мне нет смысла сейчас ни лгать, ни притворяться. Хотите верить, хотите нет, но я во всех своих встречах стараюсь разговаривать искренне — иначе нету смысла выходить... Поэтому все, что я буду вам сегодня говорить и петь, — это есть истина для меня на сегодняшний день.

Я так думаю, это мое собственное, сугубо мое мнение.

Если вам скажут, что человек выходит на сцену только самовыражаться, — не верьте, это неправда. Все мы, кто занимается авторской песней, очень рассчитываем на ответ из зрительного зала... Мне публика — люди, а не публика; люди, которые меня слушают, нужны мне больше, чем я вам, потому что есть счастливая возможность высказать то, что меня беспокоит и волнует, такому большому количеству людей, — это не каждому дано.

Евгений Сергеев, литературовед

„Многоборец“

Тогда, в начале 60-х годов, появилось множество молодых поэтов, актеров, художников и еще молодых самодельных певцов, которых окрестили бардами и менестрелями. Среди них был и Высоцкий, но интерес к нему не превышал общую норму. Исключительным интерес этот стал позже, когда Высоцкий пошел откровенно против моды, когда песни его, в отличие от большинства эстрадных текстов, стали социально значимыми и злободневными.

...Он открыл в нашей песенной культуре новое стилевое направление, уравнивал в правах бывшую «непристойную» разновидность городского фольклора. Он нашел такие залежи, такой мощный пласт народной культуры, который еще долго будет разрабатываться многими и многими поэтами, композиторами и авторами, исполнителями песен...

Высоцкий узаконил, свел в культурный оборот одну из ветвей нашего национального фольклора; чрезвычайно весом его вклад в развитие устной литературы; он был одним из тех, кто сохранил жанр «авторской песни», когда «менестрельный бум» пошел явно на убыль под давлением электронной эстрады; он создал энциклопедию бытовой жизни; двадцать лет его творчество являлось альтернативой, противовесом некоторым перекосам культуры; в течение тех же двадцати лет оно было тем

Аркадий и Никита — сыновья Высоцкого.

фактом общего знания, который способствовал сближению людей разных возрастов, социальных групп и уровней образования. Все это, вместе взятое, принесло ему неслыханную популярность.

Роберт Рождественский

Память дорог

Лучшие песни Владимира Высоцкого — для жизни. Они — друзья людей. В песнях этих есть то, что может поддержать тебя в трудную минуту, — есть неистощимая сила, непоказная нежность и размах души человеческой.

А еще в них есть память. Память пройденных дорог и промчавшихся лет. Наша с вами память...

Современник!

Иногда приходится слышать, что, собственно, Высоцкий сделал? Ну утверждал гласность тогда, когда гласность не приветствовалась, когда был период застоя. А сейчас все говорят об острых проблемах, промахах, вскрывают недостатки, и Высоцкий бы сегодня просто потерялся. Он был хорош для своего времени. Не согласен с этим. Я думаю, что нам сейчас не хватает Высоцкого точно так же, как его не хватало нам тогда. Перестройка — это революция, а революция — это дело, не терпящее приставки «полу-», здесь не может быть полугласности, полудемократии, полухозрасчета и т. д. Здесь все должно быть честно и на особом накале. И вот, мне кажется, никто бы, как Высоцкий, сейчас не смог бы вскрыть то, что называется механизмом торможения. Мы открываем газету — на заводе идет брак, хотя и перестройка, на витринах магазинов по-прежнему нет изобилия, хотя и перестройка. В чем дело? В силах торможения. Говорят: а покажите нам эти силы торможения, кто против перестройки? Никого. Тут нужен был бы опять Высоцкий, чтобы он на ладони показал того, кто невидим. Его поэзия повела бы в бой...

Зарыты в нашу память на века
и даты, и события, и лица,
а память как колодец глубока,—
попробуй заглянуть — наверняка
лицо — и то — неясно отразится.

Разглядеть, что истинно, что ложно,
может только беспристрастный суд.
Осторожно с прошлым, осторожно,
не разбейте глиняный сосуд.

Одни его лениво ворошат,
другие неохотно вспоминают,
а третьи даже помнить не хотят,
и прошлое лежит, как старый клад,
который никогда не раскопают.

И поток годов унес с границы
стрелки — указатели пути,
очень просто в прошлом заблудиться
и назад дороги не найти.

С налета не вини — повремени!
Есть у людей на все свои причины.
Не скрыть, а позабыть хотят они:
ведь в толще лет еще лежат в тени
забытые заржавленные мины.

В минном поле прошлого копать
лучше без ошибок, потому
что на минном поле ошибаться
просто абсолютно ни к чему.

Один толчок — и стрелки побегут,
а нервы у людей не из каната,
и будет взрыв, и перетрется жгут...
Ах, если люди вовремя найдут
и извлекут до взрыва детонатор!

Спит земля спокойно под цветами,
но когда находят мины в ней,
их берут умелыми руками
и взрывают дальше от людей.

Вместо заключения

Вот и подошел к концу наш рассказ о жизни и творчестве Владимира Высоцкого. Можно предположить, что он не удовлетворит часть наших читателей: кому-то покажется, что данное повествование слишком скупо обозначает творческую деятельность Художника, кто-то, вполне возможно, скажет, что эту композицию следовало строить по другому принципу, а некоторые — мы этого не исключаем — могут и вообще заявить, мол, тема эта не имеет права на жизнь и т. д. Но как бы там ни было, редакция хотела бы рассчитывать на прямой читательский отклик: мы внимательно изучим все письма, в которых будут высказаны суждения об этой публикации.

Творческое наследие Владимира Высоцкого огромно. Только количество написанных им песен и стихов составляет около девятисот произведений. Безусловно, они далеко не равного художественного достоинства, как, видимо, неоспоримо и то, что в последние годы жизни в литературном творчестве (а теперь мы с полным правом говорим именно о литературном, поэтическом творчестве) он достиг вершин.

Его жизнь, как и жизнь многих великих российских поэтов, трагична. Увы, официальное признание его огромных творческих заслуг пришло поздно, Государственной премии СССР он удостоен после смерти. И это стало возможным лишь в пору перестройки.

Уже привычны для нас его самые разные песни, звучащие по радио и телевидению, и тут нет ничего странного — многие из них всенародным признанием возведены в ранг классики советского искусства.

...Перечитываю стихи Высоцкого последнего периода — «Мой черный человек», «Прошла пора вступлений и прелюдий», «Зарыты в нашу память на века...» Или «Песня о новом времени»... Давно уже не дают мне покоя восемь строк из нее. Читаешь, и слышится его хрипловатый, яростно накаленный голос:

«И еще будем долго огни принимать за пожары
мы. Будет долго казаться зловещим нам скрип сапогов.
Про войну будут детские игры с названиями старыми,
и людей будем долго делить на своих и врагов».

Удивительно это свойство настоящей поэзии: быть многозначной в своей смысловой нагрузке, звучать, заставляя задуматься людей самых разных поколений. Ушла одна эпоха, пришла другая, а песня все так же современна и слова ее — как мудрый наказ. «Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять».

Мне могут сказать: не надо делать из Высоцкого человека примерного поведения. Вот ведь и его многочисленные друзья не скрывают того, что у него было немало недостатков. Согласен.

Но, размышляя о его жизни и творчестве, думаю о том, что он был прежде всего бойцом, человеком, обладающим таким бесценным качеством, как неутомимость. Он не воевал в Великую Отечественную, но всегда был готов идти в бой. Уже в новое время воевала его поэзия, она и сейчас с нами. Он не погиб, он сегодня вернулся из боя, как и те наши парни, что после афганских испытаний пришли домой. Как тяжелейшим горем и светлой памятью стали для нас погибшие на той далекой земле.

Не забудет Отечество своих честных и мужественных сыновей. Не имеет на это права народная совесть.

Ник. ГОРБАЧЕВ

Фото А. Иванишина, Д. Кричевского, В. Плотникова